Трофимова О. В., Загороднюк Н. И., Коновалова Е. Н. Этнолингвистические исследования краеведов Тобольской губернии XIX века: монография.

[= Новое "старое" о Сибири. Кн. 1.] — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. — 200 с.

Trofimova O. V., Zagorodnyuk N. I., Konovalova E. N. Ethnolinguistic studies of local historians of the Tobolsk province of the 19th century: monograph.

[= New "old" about Siberia. Book 1]. Tyumen: Tyumen State University Press, 2021. 200 p.

DOI: 10.21638/spbu30.2024.410

Стихия живой народной речи распространяется вместе с русскими переселенцами, дерзнувшими перейти через Уральский хребет и освоить великие просторы Сибири. Что происходит с языком в процессе стремительного движения его носителей все дальше и дальше на восток от Петербурга и Москвы? Когда и как начиналось изучение речи русских сибиряков? Каковы первые и наиболее ранние драгоценные сведения об устной речи местных русских жителей? Важнейшие сведения об этом содержатся в Государственном архиве г. Тобольска и Научном архиве Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (РГО).

Публикациям этих архивных материалов и их исследованию посвящена рецензируемая книга, написанная тобольскими и тюменскими авторами под руководством доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Трофимовой. Из предисловия мы узнаем, что РГО уже в первой половине XIX в. разрабатывало этнографические программы, по исполнению которых в 1850 г. был составлен отчет. В нем отмечалось, что лингвистическая его часть обрабатывалась академиком И. И. Срезневским. Наша отечественная этнография стала обогащаться «географией русского языка и его народной словесности».

Авторы решились на выпуск в свет монографии после 14-летнего опыта выпуска пяти научных статей и их обсуждения. Помимо критической публикации архивных данных, книга содержит внушительные исследовательские материалы благодаря трудам, проделанным в основном О. В. Трофимовой.

В главе «Русское географическое общество и краеведы Тобольской губернии (1840–1890-е гг.)» излагается прекрасно документированная история РГО и его Отделения этнографии. В 1846 г. силами Отделения был составлен «Этнографический циркуляр», согласно которому РГО призывало любителей отечественной географии из разных уголков России присылать географические и статистические сведения. От тобольских купцов, чиновников, священников, учителей тут же стали поступать картины с изображением местных пейзажей, старинные рукописи, описания обрядов, заговоров и другие фольклорные материалы. Делу помогали специальные опросники и программы сбора сведений, рассылаемые по губерниям. Вторым пунктом одной из них рекомендовалось обратить внимание «на язык, главный орган народности, во всем разнообразии его местных наречий и говоров».

Авторы публикуют полный текст письма Канцелярии РГО архиепископу Тобольскому и Сибирскому Евлампии от 26 августа 1853 г. с просьбой разослать 25 экземпляров Программы городскому и сельскому духовенству епархии (с. 20–22). В этом письме сообщается о большом опыте сбора материалов с 1845 г. и содержится просьба выслать адреса тех священников, которым разослана Программа, чтобы дальнейшую переписку вести непосредственно с ними. Программа распространялась и через директоров училищ и гимназий. Таким образом, местный быт и язык русского народа описывали в основном священники и учителя. Теперь известны имена всех 14 сельских священников, изъявивших желание содействовать

РГО в 1853–1854 гг. Так, один из них выслал 250 пословиц и поговорок, употребляемых жителями Курганского округа. Из гражданских лиц наибольший вклад внес житель Тобольской губернии, смотритель Березовского училища, действительный член РГО Николай Алексеевич Абрамов.

Подробным образом описывается, как велась работа по сбору материалов для РГО. Она шла по нарастающей в 1860-е гг. Отмечаются заслуги И. И. Срезневского и В. И. Даля в изучении народной речи по документам, поступавшим в РГО.

Около сотни рукописных архивных документов 1846–1852 гг. и более поздние материалы второй половины XIX в. имеют огромную ценность, поскольку собраны в то время, «когда еще не начался процесс разрушения традиционной русской культуры» (с. 29). Наибольший интерес из тобольских источников после 1852 г. представляют труды члена-сотрудника РГО Филиппа Кузьмича Зобнина.

Глава «**Этнографическая программа РГО в редакциях 1848, 1852 и 1877 гг.**» посвящена содержательному и текстологическому сопоставлению трех редакций. Конечно, Программу 1877 г. следует признать самой совершенной, имеющей актуальное научное значение и для нашего времени. В ней выдерживается последовательный ономаσιологический подход — от тематических групп. Таким образом, когнитивная сторона языка стоит на первом месте. Язык понимается «как выражение народных понятий».

Три текста сличаются в единой таблице по разделам и пунктам. Хорошо видно преимущество Программы 1877 г. В ней, когда это возможно, расписаны все предполагаемые ответы наблюдателей на местах, учтены все альтернативы. Например, требуется описать «господствующую форму глаз: большие, открытые, малые и узкие, прорѣзанные прямо-горизонтально, прорѣзанные наклонно от виска к носу или наоборот, от носа к скулѣ; цвѣтъ глаз: черные, каріе, голубые, сѣрые». Таким образом облегчается работа непосредственных исполнителей программы. Уже при описании внешнего вида и здоровья местных жителей она требует узнавать слова, служащие для выражения красоты или безобразия, местные названия болезней и т. п.

В разделе «Язык, народные преданія и памятники» предлагаются следующие группы лексики: выражения отвлеченных понятий, метеорологическая лексика, наименования объектов природы, населенных пунктов, зданий и обиталищ, их частей, одежды и ее частей, хозяйственной утвари, музыкальных инструментов, игр, блюд и напитков, промыслов и терминов, с ними связанных, ласкательных и бранных слов «съ объясненіемъ ихъ смысла, и, если можно, съ указаніемъ причинъ происхожденія», заимствований. Здесь же содержится просьба о собирании текстов самых разнообразных малых и больших фольклорных жанров, причем с обязательным сохранением языка, которым исполняются произведения, дословно, «съ точнымъ удержаніемъ мѣстнаго выговора и оборотовъ рѣчи». Большое внимание в Программах 1852 и 1877 гг. уделяется всем возможным разновидностям местной топонимики и микропонимики.

В разделе «Домашній бытъ» Программы 1852 и 1877 гг. прежде всего предполагается собирание местных названий, например лекарственных растений с приложением их научных названий. В раздел «Умственное и нравственное развитие» включено описание вариантов, как бы сейчас сказали, паралингвистических показателей коммуникативного поведения. Здесь же указано, что «весьма важное значеніе имѣють употребляемыя въ народѣ о самомъ себѣ и сосѣдяхъ какія-либо насмѣшливыя или похвальныя прозвища, поговорки и эпитеты, а также и самые рассказы и легенды о причинахъ ихъ происхожденія. Желательно получить такія преданія, по возможности изложенныя съ удержаніемъ мѣстнаго говора, что имѣеть особенную важность въ разсужденіи языка».

Программа 1877 г. просит широко применять новоизобретенный очень быстрый и точный способ получения изображений описываемых вещей — фотографический. Это позволяет соблюсти единство слова и вещи, гарантировать безошибочность толкований предметных значений.

Особое историографическое значение имеет глава «**Биографии краеведов и этнографические материалы**». Здесь содержатся уникальные сведения

о жизни ученого-географа, климатолога, историка, археографа и лингвиста-тюрколога, автора многочисленных публикаций и восьми сохранившихся рукописей Н. А. Абрамова (1812–1870), краеведа, статистика и фольклориста свящ. В. В. Адрианова (? — 1883); лингвиста свящ. И. В. Беднякова (ок. 1809 — не ранее 1885); этнографа и лингвиста, публициста, чиновника акцизного управления, автора многочисленных краеведческих публикаций Ф. К. Зобнина (1868–1930); лингвиста, учителя русского языка и смотрителя тарских, курганских и тобольских училищ М. И. Кости (1820 (?)) — не ранее 1862); краеведа, метеоролога, ботаника, фольклориста, диалектолога, фотографа, инспектора Тобольского духовного училища И. Ф. Лисицына (1827–1869); этнографа, законоучителя Березовского уездного училища свящ. В. Ф. Тверитина (1826 или 1827–1892); метеоролога, этнографа, смотрителя Ишимского уездного училища и старшего учителя математики Тобольской гимназии колл. асесс. А. Г. Худякова (1811–1867).

Здесь же впервые публикуются рукописные материалы:

— Абрамов Н. А. «Якуторовский округ Тобольской губернии. Язык» о фонетике, морфологии и лексике местного говора (с. 69–71);

— Адрианов В. В. «Этнографические материалы, собранные в Курганском округе Тобольской губернии. Язык» с большим перечнем местных слов с ударениями и образцов диалогов (с. 73–76);

— Бедняков И. В. «Сведения в РГО... доставляемые Тобольской губернии и округа села Долгоярского Введенской церкви священно- и церковнослужителями, о языке» с отдельными наблюдениями над местным говором и прекрасным образцом диалога, в котором содержится очень точное народное наблюдение над различиями между синонимами — своим и новоприбывших переселенцев-посельщиков, обсуждение различных поверий и преданий (с. 80–94);

— Зобнин Ф. К. «2-й Сборник наблюдений и замечаний о народном быте в Тобольской губернии» (1891) с описанием двух видов языковой игры (с. 97–98), «О некоторых особенностях говора жителей г. Сургута Тобольской губернии» с определением местного говора как акающего,

с общей интонационной и произносительной характеристикой, замечанием о выравнивании спряжения как *спросю* (вм. *спрошу*) (с. 99–100), «Говор жителей села Усть-Ницынского Тюменского округа» с определением его как окающего и подробной характеристикой консонантизма, парадигмой склоняемого постпозитивного артикля *-отъ*, прекрасным описанием лексики по Программе 1877 г. (напр.: «**Домъ**. Жилище для людей называется домомъ. Домъ всегда состоитъ изъ одной **избы** (кухни) и одной или нѣсколькихъ **гѳрницъ**. Домъ безъ гѳрницы называется **избой**. Въ **оградѳ** (на дворѳ) для черныхъ работъ иногда устраиваютъ **малую избышку**» — с. 106) — 42 поговорки, названия деревень, пашен и покосов, рек и речек, формулы приветствия, междометия для приманивания и отгона животных (с. 101–115);

— Костя М. И. «Особенности местного произношения в городе Туринске и округе его (Тобольской губ.)» об окающем говоре с ѳ > и, безударным е > о (с. 117–120);

— Лисицын И. Ф. «О языке Тобольской губернии» с ценными морфологическими и фонетическими наблюдениями, богатым собранием местных слов (*братанъ* и др.) (с. 124–128);

— Тверитин В. Ф. «Этнографические сведения о жителях города Березова, язык» с фонетическими и лексическими данными (с. 129–130);

— Худяков А. Г. «Этнографические заметки по Ишимскому округу» с перечнем и разъяснением слов, поговорок, описанием примет и суеверий, текстами небольших рассказов местных жителей, в записи которых передаются диалектные особенности речи (с. 134–137), «Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии» с богатым собранием семантических и лексических диалектизмов (с. 139).

При каждой персоналии приведены фотокопии страниц их рукописей, и мы по почерку живо можем представить характер каждого из них.

Самостоятельное научное значение имеют сводные «**Материалы для Словаря русской народной речи Тобольской губернии XIX века (1848–1891)**» (с. 140–184). Здесь сведена воедино по общему алфавиту местная лексика, рассмотренная в вышеприведенных работах. После каждого

слова (ударение ставится, если оно есть у автора) даются авторское пояснение и ссылка на конкретную только что опубликованную работу.

Из слов, имеющих ныне общерусское разговорное распространение, можно назвать те, которые приводим в современном написании в приложении к нашей рецензии. Казалось бы, следует прежде всего ценить эти материалы за сохранение редких местных исчезающих или исчезнувших слов, и это несомненно так. Однако нам хотелось бы подчеркнуть их не меньшую актуальность и для точного описания нынешней реальной живой стихии русской речи, которую стремятся освоить и культурные русские люди, и иностранцы, но которая характеризуется размытостью семантики и очень трудна для описания из-за быстрого затемнения внутренней формы под давлением представленной в СМИ и устах интеллигенции речи, насыщенной иноязычными словами и свежими неосвоенными заимствованиями и кальками.

Между тем не только для узкого искушенного круга ученых наблюдателей важны выборки и дефиниции значений народно-разговорной лексики полуторавековой давности. Отчего так популярен и востребован среди всего русского говорящего сообщества, укоренившегося на просторах Северной Евразии, словарь Даля? В *мире русского слова* есть горячее желание поучиться у своих предков, очистить свои излюбленные словечки от затемняющих их точное и меткое употребление напластований, возродить добрую и приятную сердцу традиционную русскую речь. Понятие *живого великорусского*, переплавляясь в горниле гражданских войн XX–XXI вв., преобразуется в *живой общерусский панхронический язык*. Обсуждаемая книга вносит существенный вклад в становление этого важного и актуального представления о русском общенациональном языке во всем его историческом, стилистическом и географическом разнообразии и единстве.

Последняя глава называется «**О лингвистической информативности рукописных лексикографических источников**». Здесь подробно рассказывается о принципах изложения публикуемых «Материалов для Словаря русской народной речи Тобольской губернии XIX века (1848–1891)»

и дается анализ всех словарных данных на фоне лексикографических достижений XIX — начала XXI в.

Всего представлено 1150 слов и выражений с толкованиями из 11 опубликованных выше рукописных собраний слов. Повторения встречаются довольно редко, в 8,6 % словарных статей, но и это приносит большую пользу, потому что толкования у разных авторов дополняют друг друга и создают более объективную картину. Лишь 3 % слов имеют совпадающие толкования у разных авторов.

Более 32 % слов, имеющих в «Материалах», включено в [Опыт 1852]. Только 1,2 % отмечаются в нем как исключительно тобольские; более широкое распространение, включая Тобольскую губернию, согласно этому словарю, имеют около 4 % слов. Примерно для 27 % слов «благодаря настоящей публикации могла бы быть расширена территориальная характеристика и семантическая структура» (с. 190), при том что 68 % слов вообще не отражено в «Опыте...» 1852 г.

Сопоставление со «Словарем» [Панин 1991] показывает, что по крайней мере 13 % тобольских слов, отмечаемых в XIX в., имеют длительную историю. Часть из них употребляется в переносных значениях.

Конечно, наибольшее число совпадений (83,5 %) обнаруживается в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ]. Связано это с тем, что 8 из 11 источников привлекаются и в СРНГ. Но и там отсутствуют многие фонетические варианты, отмечаемые в «Материалах».

Еще раз отметим, что публикуемые словарные «Материалы» имеют ценность не только в отношении редких, сугубо местных, нигде более не зафиксированных слов, их значений или фонетических вариантов. Собиратели XIX в. не задавались целью строго дифференцировать общерусскую и сугубо местную лексику, они записывали характерные для народной речи того или иного населенного пункта слова, не противопоставляя их общерусскому просторечию и даже разговорной речи мещанства и купечества. И в этом не недостаток, а великое преимущество старательных собирателей словесных жемчужин народно-разговорной стихии прошлого.

Разговорный стиль и просторечие развиваются не так быстро, как принято думать. Внуки копируют речь бабушек и запоминают ее на всю жизнь, передавая своим внукам. Среднее поколение трудится в условиях канцелярских и литературных форм языка и беседует более с коллегами, нежели с детьми. Достаточно вспомнить басни И. А. Крылова, пересыпанные разговорными оборотами конца XVIII в., которые и сейчас сохраняются и живо и безошибочно распознаются как разговорные. Но многие едва уловимые семантические и прагматические нюансы устно-разговорных употреблений, разумеется, изменяются, традиционные живые образы стираются, а это грозит опошлением и вырождением разговорных средств языка. В рецензируемой книге приведено чудодейственное лекарство, изготовленное в XIX в. для лечения этого «заболевания». Следовательно, рецензируемая книга вносит большой вклад в культуру русской речи.

Все изложенное в **Заключении** избавляет рецензента от перечисления других достоинств публикации.

Предпринятое издание можно назвать образцовым для обеспечения поступательного развития нашей историко-филологической науки. Оно послужит хорошим подспорьем для диалектологов, фольклористов, этнографов, историков и географов. Книга вселяет надежду, что язык наш будет изучаться путем углубления в его литературную и народную стихии, осмысления его давно состоявшихся речений, питающих его общенациональное развитие, срывающих пелену полузабвения с его ментальных красок и показывающих мощь его творческой когнитивной силы.

Увидевшая свет первая книга серии «Новое “старое” о Сибири» служит делу укрепления единства науки о русском языке во времени и пространстве. Она насыщает ее новым ценным материалом в области общерусской и местной тобольской народно-разговорной стихии на уровне словоформ, слов, устойчивых сочетаний и небольших текстов и больших народных диалогов. Мы знаем русских писателей, таких как Н. С. Лесков, прислушивавшихся к народной речи и прекрасно передававших ее в своих произведениях. Однако,

как бы ни были хороши эти произведения, филологам очень недостает образцов истинной народной речи — первоисточников этих произведений. В публикуемых документах они прекрасно представлены и, надеемся, будут оборачиваться в науке, коль скоро введены в научный оборот.

Следует заметить, что фактически представлено то, что нынче называется полевой лингвистикой и может обогатить ее методы и приемы за счет давно предложенных и апробированных в отечественной науке. Большое преимущество собирателей образцов народной речи, о которых идет речь в книге, в том, что сами они суть носители литературной формы того же языка и обладают широкими фоновыми знаниями, помогающими включить новые изучаемые факты в русское языковое единство. Уникальный опыт наследия старых русских европейских диалектов в речи переселенцев, их контакты с местными тюркоязычными народами и междиалектные внутрирусские контакты, а также своеобразное усвоение литературных и церковных канонических форм — все это представляет собой предмет документирования. Уже первые замечания о словах, не отмеченных в СРНГ и других диалектных словарях как тобольские, показывают, как много предстоит еще сделать, чтобы улучшить наши представления о сохранности старых европейских русских диалектов на Сибирской земле и о динамике перерастания их в сибирское областное просторечие.

Никаких принципиальных содержательных возражений увидевшая свет книга не вызывает, однако она настолько богата и разнородна по публикуемым источникам, настолько насыщена разными филологическими, историческими и географическими сведениями, что со стороны ленивого и вечно спешащего читателя хочется высказать несколько предложений, облегчающих и ускоряющих восприятие огромного объема ценнейшей информации. Это тем более важно, что обсуждаемое издание — лишь первая ласточка, открывающая серию «Новое “старое” о Сибири».

1. Книга насыщена разными ценными сведениями о персоналиях, не упоминаемых энциклопедиями, поэтому хотелось бы, чтобы был приложен указатель всех упоминаемых в книге лиц

с обозначением страниц, на которых о них ведется речь. Так, о Н. А. Абрамове мы узнаем уже на с. 15, но его подробную биографию можно найти только на с. 60. Наверное, в указателе такие страницы с самыми подробными сведениями о том или ином лице лучше выделить жирным шрифтом. Этот недостаток уместно исправить во второй книге серии, опубликовав в ней сводный указатель имен, упоминаемых и в первой книге.

2. Еще больше облегчали бы чтение отсылки прямо по ходу чтения, особенно при первом упоминании того или иного лица, о котором более подробная информация излагается намного ниже. Например, на с. 15 после имени Н. А. Абрамова лучше было бы в скобках указать: «... (см. о нем на с. 60 и далее)».

3. Можно найти один случай не критического отношения к публикуемым материалам. На с. 194–195 разбирается глагол *ахать*, толкуемый свящ. В. Ф. Тверитиным как «удивляться». Этот глагол является производным от междометия *ах* и имеет, несомненно, общерусское распространение. Наиболее точная характеристика его лексического значения может быть дана только словообразовательным способом: «...восклицать *ахъ!*» (В. И. Даль), «часто произносить слово *ахъ!*» [СЦСиРЯ]. Действительно, наиболее частая эмоция, которая сопровождает этот глагол, — удивление, но она первой из возможных указана и В. И. Далем: «дивиться». Значит, нет оснований считать глагол *ахать* в значении «удивляться» диалектизмом и указывать на отсутствие его в диалектных словарях дифференциального типа как их недостаток.

Надеемся, указанные возможности улучшения издания будут учтены в дальнейшем. Пожелаем Ольге Викторовне Трофимовой и другим авторам скорейшего завершения работы над следующей книгой серии.

Доктор филологических наук,
профессор Д. Г. Демидов

СЛОВАРИ

Опыт 1852 — Опыт Областного Великоорусского Словаря, изданный 2-м Отд. Имп. АН. СПб.: в тип. Имп. АН, 1852. 328 с.

Панин 1991 — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, 1991. 179 с.

СРНГ — Филин Ф. П. и др. Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965 — (продолжающееся издание).

СЦСиРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный 2-м Отд. Имп. АН. Т. 1–4. СПб.: в тип. Имп. АН, 1847.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слова из «Материалов для Словаря русской народной речи Тобольской губернии XIX века (1848–1891)», имеющие общерусское распространение

азарт 'самозабвенье',
аказия 'случай, редкое обстоятельство',
балагурить 'веселить рассказами',
баюн 'краснобай',
безалабарный 'бестолковый, беспорядочный',
благодать 'все съестное — всякий хлеб, мяса и прочее; обилие, довольство',
божница 'деревянная полочка для икон',
братан 'братаном называют друг друга коротко знакомые',
брезговать 'иметь отвращение к чему-нибудь, быть разборчивым в пище и питии; пренебрегать',
бывает 'бывает — может быть',
вечеровать 'вечером чем-либо заниматься',
вечёрка 'вечеринка',
вишь 'видишь',
вообша 'вообще',
впрямь 'вправду',
враги 'диаволы',
врагов 'чертей',
враки 'вранье',
вприкуску пить чай 'пить чай с хлебом, кренделями и т. п.',
втихомолку 'по секрету',
вить 'плакать',
вестимо 'известно, разумеется',
гаркать 'звать; гаркать, призывать, кликать',
госпожинки 'День успения Пресвятой Богородицы',
грамотка 'письмо',
двор 'вм. двор скотский; дом с пристройками',
деревня 'от села и слободы отличается тем, что не имеет церкви',
диковина, диковинка 'редкий случай',
дóка 'весьма знающий',
дом 'жилище для людей; всегда состоит из одной избы (кухни) и одной или нескольких горниц',
дородный 'здоровый, толстый',
дошлый 'догадливый, продувный, хитрый',

дылда 'весьма высокого роста человек',
 есь 'есть',
 жалобиться 'жаловаться',
 жбан 'деревянный с ручкой туес, из которого пьют квас',
 живот 'имение, богатство',
 заварка 'количество чаю, зараз завариваемого в чайнике',
 заварочка 'уменьшит. от заварка',
 заводь 'прибрежная часть реки, заключенная в изгибах берега и лишённая течения',
 загон 'часть поля между двумя большими бороздами',
 задворье 'сзади дома обыкновенно пристраивается закрытое со всех сторон помещение — задворье. В некоторых домах в нем держат домашнюю птицу (летом)',
 задорной 'забияка',
 заимка 'заимкой называется довольно большое пространство удобной для пашни и сенокоса земли, находящееся в одном месте и принадлежащее одному лицу, которое среди своих владений часто устраивает дом и другие необходимые в хозяйственном быту пристройки',
 закладка 'количество сухого чаю, зараз завариваемого в чайнике',
 замордовать 'замучить',
 запи дверь 'затвори дверь',
 затрещина 'оплеуха — удар рукою по щеке',
 заутрѣ 'завтра утром',
 зимняк 'зимняя дорога',
 зыбун 'топкое болотистое место',
 зяблый 'холодный', напр.: Ланись лето было зяблое (прошлого года лето было холодное),
 изба 'дом без горницы',
 избушка 'для временного житья на отдаленных пашнях строят избушки и шалаши. Избушки предназначены для защиты от непогоды и в большинстве случаев не имеют даже окон. В ограде (на дворе) для черных работ иногда устраивают малую избушку',
 изгалаться 'издеваться, насмеяться',
 издеваться 'делать над кем-нибудь неблагопристойный поступок; смеивать кого-нибудь до обиды',
 изладить 'сделать', напр.: Я сам излажу (сделаю) себе ящичок (ящичек),
 изморозь 'чувствительный холод с туманом',
 индеветь, заиндеVELO 'покрываться инеем',
 каверза, каверзный 'коварный человек',
 казна 'деньги, иногда высшее начальство',
 калякают 'говорят',
 канючить 'безотвязно просить, вымаливать',
 капустака (ср. новейшее капустаник. — Д. Д.) 'вечерка или вечерний праздник для рубивших днем капусту',
 карать 'корабль',
 карячиться 'противиться, не соглашаться',
 катушка 'зимняя гора для катанья',
 кержак 'двоедан, старообрядец, в переносном смысле — нечистоплотный человек',
 кикимора 'бранное слово, ныне не обозначающее никакого определенного понятия',
 клич кликать 'созывать народ',

коли 'если',
 коли хошь 'если хочешь',
 колода 'косяк в окне или дверях',
 кондовый лес 'просушенный, здоровый лес' — «если по одному концу бревна ударить, то на другом будет слышен звук похожий на звук колокола»,
 конфус 'посрамление, стыд',
 коренастый и кренастый 'плотный, полный',
 корма 'задняя часть судна',
 круто 'скоро',
 кузовок 'несколько вещей, завязанных в платок или салфетку',
 кукурки 'корточки',
 кус 'кусок',
 кутья 'крупная во все зерно ячменная крупа',
 лавка '(в избе) вверху около стен идут полки, а внизу для сиденья лавки',
 ладить 'делать' Он ладил (делал) крышу.
 ладится 'мирится',
 лапы 'следы',
 ледник 'мертвый погреб, так называется погреб, предназначенный для хранения трупов',
 луг 'собственное имя тех покосов, которые весной заливаются водою',
 лучина 'насеченные из полена тонкие деревинки',
 лесина 'бревно',
 лесной и водяной 'злые нечистые духи, называющиеся так по месту своего пребывания',
 матерый 'большой, огромный' Ономьясь матѣру(ю) шуку добыли.
 менять баш на баш 'менять без придачи',
 мямля 'человек бестолковый',
 мямлять 'говорить без смысла',
 наклепать 'оклеветать',
 накудесить 'наделать глупостей, нашалить',
 наледь 'вода, разлившаяся по льду речки',
 напрокудить 'накуралесить',
 нароком 'нарочно, для того именно',
 насилу 'едва',
 наст 'бывает раннюю весною, когда растаявший днем снег за ночь покрывается ледяною коркою, которая собственно и называется настом',
 не баламутный 'верный',
 небось 'выражающие гордость, самонадеянность'. Небось промаху не дам, т. е. Не думай, — не обстрелюсь.
 не гожи 'не хороши',
 не мешат 'не лишнее',
 непогодь 'ненастье',
 не по нутру 'не по сердцу',
 не шипка зарютица 'не сильно желают',
 норов 'нрав, характер',
 нужда 'бедность',
 обихаживать, обиходить 'убираться в доме: мыть полы, стены, чистить посуду и пр.',
 обиход 'чистота, опрятность' Вот какой завела обиход: вся посуда чистенька. Посуда обиход любит — знач. посуду надобно держать в опрятности.

образина 'рожа, харя, дурное лицо',
обутки 'обувь',
огреть 'обокрасть',
одежа 'одежда',
одуреть 'помешаться в уме',
оклематься 'выздороветь, оправиться',
опорожниться 'отработаться, быть свободным',
орать 'сильно кричать; взрывать поле сохой или плугом',
отдубасить 'наказать лозами',
отопри дверь 'отвори дверь',
охать 'печалиться, горевать',
охобень 'ленивый, неповоротливый',
ошеломить 'лишить чувств',
парень 'брат, товарищ',
пáужинать (рос. *полудновать*, совр. *полдничать*. — Д. Д.)
 'обедать в другой раз, около 2 или 3-го часа пополудни',
паўт 'овод',
передний угол 'угол, в котором находится божница',
перестегали 'пересекли',
пимы 'скатанные из войлока сапоги',
писано как в Опостоле 'слогом славянским',
плёсо 'безлесный и отлогий берег реки, на котором происходит неводьба',
поветря (ср.: *поветрие*. — Д. Д.) 'эпидемия',
погода 'ветер'; вместо того чтобы сказать: «Какой сегодня ветер дует», — говорят: «Какая сегодня погода поднялась». *подвал* 'погреб под избой',
подхалима 'льстец',
поклепать 'напраслину говорить',
покосы 'сенокосные угодья',
полянка (ср. входящее нынче в моду *накрыть поляну*. — Д. Д.) 'невысокая густая травка. Полянкой называется во дворах, на поскотине. Полянкой также называется сбо-рище праздничное, происходящее на поскотине',
попы 'весь причт',
поужин 'полдник',
пошто 'почто',
привередливый 'причудливый, прихотливый',
пригубить 'поднести к губам, отведать, испить немного',
примаривать 'клонить ко сну' *Меня стало примаривать*.
причитать 'выть с причетами, говорится о невесте, расстающейся с домом родительским или когда воют об умершем с причетами',
промахнуться 'обстрелиться, не попасть в цель',
промах 'несметливый',
пропадать, пропасть 1) 'издыхать, издохнуть'; 2) 'изнашиваться, изнашиваться',
прытко 'скоро',
пуп земли 'центр, середина',
пышать 'надыхать',
работящий 'трудолюбивый',
рагоза 'неуживчивый, сварливый человек',
радуга 'концами пьеть воду из рек и озер и поднимает ее на небо для дождя. Плавать по реке при появившейся радуге считается опасным: утянет на небо'.

реветь 'кричать',
ровно 'словно, подобно',
сгореть от вина 'умереть от пьянства',
склока 'хлопота, суетливость, бесокойство',
слышь ты 'слышишь ты',
смекать 'наблюдать',
споровать 'спорить',
способный 'удобный',
спохватиться 'вспомнить',
справный 'то же, что зажиточный',
сродный 'то же, что двоюродный',
сталиться 'приготовлять для сна постель',
стираться 'мыть белье',
стирку учинить 'стирать белье',
столешница 'столечница, верхняя доска стола',
страда 'время, в которое крестьяне косят сено и убирают с полей хлеб',
судачить 'негодовать, сетовать',
сусеки 'амбар имеет сусеки (закрома) для зернового хлеба и муки',
сучить 'переносить вести из одного дома в другой',
сыч 'говорят про человека с большими круглыми глазами',
сенники 'места для складывания сена',
талан 'счастье',
тараторить 'говорить без умолку',
тын 'если забор составлен из тонких бревен, поставленных вертикально и плотно одно к другому, то такой забор называется тыном',
убираться 'приводить в порядок домашние вещи, также уход за скотом',
убираться 'уходить',
убойный 'твердый',
удушье 'кашель',
улепетывать 'убегать от преследования кого-либо',
фамилия 'жена',
фамильный 'знатный, богатый',
фарт 'удача',
фартовый 'удачливый',
фукнуть 'похитить',
хайло 'глотка',
ханыка 'бражика, настойчивая просительница',
хаять, расхаивать 'не одобрять',
хворосты 'сдобные сочни, варенные в масле',
хлётко 'бойко',
хныкать 'жаловаться, стонать',
хозяйин 'муж',
хоромина 'от славянского храма, жилое здание',
хорохориться 'храбриться, превозноситься',
хошь 'хочешь',
художество 'распутство, воровство; вообще, всякое худое дело',
царство небесное 'загробная вечная жизнь, которой удостоиваются праведные',
чай добрый 'обыкновенный',
чеботарь 'сапожник',

челек 'человек',
чудо 'хорошо, приятно',
чуть 'слышать, предчувствовать',
шарага 'говорят про человека, который не сидит на месте,
а бесцельно топчется на ногах, шарашится',
шаромыжник 'человек, живущий на чужой счет',
шаять 'тлеть, говорится об углях',
шесток 'под залавком обыкновенно устраивается шесток —
помещение для куриц (зимою)',
шибко 'весьма',

шинок 'бордель',
шимонить 'насмехаться, шутить',
шуга 'тончайший лед, являющийся во время застывания реки,
около 15 или 16-го октября',
шустрый 'бойкий',
шушун 'телогрейка с рукавами',
эдакой 'таковый',
экой 'такой',
яга 1) 'злая, вздорная женщина'; 2) 'шуба, носимая мехом
кверху'.